

АНАСТАСИЯ МУРАВЬЕВА

ТРЕПАНАЦИЯ

16+

Анастасия Муравьева

Трепанация

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63603866

SelfPub; 2020

Аннотация

Это не фэнтези и не ужасы. Просто история про начальника (пусть и очень большого начальника), его жену и секретаршу. Хотя история по-своему ужасная.

Анастасия Муравьева

Трепанация

Я уговариваю себя, что в трепанации нет ничего страшного. Не сложнее, чем открыть банку консервов – нужно подцепить ножом, а потом осторожно потянуть, и крышка отойдет сама, оцарапав ладонь зазубренными краями. Это не труднее, чем расколоть гнилой орех – грязи, конечно, будет больше, вывалится всякая труха, но где наша не пропадала.

Жена успокаивает меня, держа за руку. Ладонь у нее прохладная, будто созданная для того, чтобы прикладывать к воспаленному лбу, снимая жар. Но у меня нет никакого жара, я просто боюсь, боюсь до дрожи.

– Ты просто уснешь, а когда проснешься – все будет кончено, – говорит жена.

Лучше бы она сказала: «Все будет хорошо». Но она никогда не умела утешать, вечно ляпнет не то. Поэтому я перестал брать ее с собой – сначала на встречи, потом в поездки, и наконец, в постель. Наверное, отлучение стоило провести в обратном порядке, но что сделано – то сделано.

Ей легко говорить, это ведь не ее череп вскроют скальпелем или козьей ножкой. Не у ее постели столпились хирурги. Почему их так много? Ах да, им нужно разделить ответственность. Даже у капельницы дежурят двое. Зачем двое? На случай если один отвернется, зазевается, умрет от сер-

дечного приступа?

Их лица спрятаны под масками, а глаза как пустые щели. Врачам не положено сочувствовать. Не хватало еще жалеть каждого, кого сейчас разрежешь сверху донизу, как расстегивают комбинезон. Добряки не идут в хирурги. Хирургами становятся волевые, безжалостные и решительные люди – такие как я. Я слышал, среди них попадаются психопаты. Они так удовлетворяют жажду к насилию.

Сейчас кто-то из них снимет с меня скальп, но я буду спать и ничего не почувствую. Мои мысли из вскрытой черепушки разлетятся по операционной. Да, горькое разочарование – прожить жизнь, а потом увидеть, как над твоей головой роятся стаи мух. Я прищуриваюсь и с облегчением различаю среди мух нескольких бабочек. Одна садится, сложив крылышки, над мойкой, в которую ударяет струя воды, смывая подтеки крови, вторая на железную каталку без простыни, сюда кладут тех, кому простынь не нужна. Потом их сунут в железный сейф, выпотрошенных и наспех зашитых, надеюсь, меня среди них не будет.

Что это я все – надеюсь, надеюсь? Глупое слово для слабых. Надеюсь, важные мысли не разлетятся из головы, а то их будет не собрать. Мухи заводятся сами, чуть только запахнет гнильцой, а вот бабочки... Жалко, если они улетят.

Скосив глаза, я вижу, что на мою каталку постелена простынка, это отличный знак, значит, со мной все хорошо, трепанация проходит успешно. Но не говори гоп, пока не пере-

прыгнешь. Хирурги еще склонились надо мной, но каталочка с простынкой ждет, меня не обманешь, судьба подкатила ее к операционному столу, пнув ножкой – теперь не отвертись. Если бы мог, я потер бы руки от удовольствия, но удовлетворяюсь тем, что подмигиваю хирургам, среди которых точно есть один психопат, я где-то читал, что каждый десятый. А их, пожалуй, больше десяти, но я не возражаю, пусть и психопат получит удовольствие. Не зря же мы оба пришли сюда – я испустить стаи зловонных мух, а он постоять у операционного стола, облизываясь, как собака, которой бросят кость, или в моем случае, мозги – свежие, с кровью.

Говорят, на смертном одре человек думает о чем-то возвышенном. Я думаю о ерунде, значит, до смерти мне далеко. Я думаю о любовнице. Я ее так и называю – любовница, а что еще о ней сказать? Я начальник, она секретарша, вы скажете – пошло? Да, наверное. Она была не очень-то разговорчива, а я не расспрашивал, поэтому она осталась безымянной. Любовницам не говорят про нелады со здоровьем, особенно с мозгами, и я не рассказал. Она знает, что я в больнице, вот и все – а я, застряв между жизнью и смертью, думаю о ней. Если бы не она, из моего сгнившего черепа вылетели бы только мухи, бабочки – ее заслуга.

В углу стоит хранитель в очочках (они поблескивают, они всегда блестели, это меня ужасно раздражало, я велел их снять, сделать операцию, поставить линзы, все что угодно, лишь бы не сверкать стеклышками), но он не послушал-

ся. Он знает, что я не могу пошевелиться, и снова нацепил треклятые очки. Держит в руках чемоданчик, мой символ веры, жезл и скипетр. Когда трепанация закончится, мне нахлобучат отпиленную крышку черепа, приладив по краям, я спущу ноги с операционного стола и возьму этот чемодан твердой рукой. Если буду помнить, зачем он нужен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.